

Владимир Кожевников

Семя Кассандры

Владимир Кожевников

Семя Кассандры

<https://litres.ru/74684613>

SelfPub; 2026

Аннотация

На арктической станции «Баренц-9» биолог Эва Норден вскрывает ледяной керн возрастом два миллиона лет — и случайно выпускает то, что древнее всякой осторожности. В образце оказывается бактерия с зеркальными белками. Сначала это сенсация. Потом кровь Эвы на предметном стекле собирается в снежинку и не тает при комнатной температуре. Связь с материком обрывает шторм, коллега начинает говорить наоборот, часы идут вспять, а в зеркалах появляется вторая станция — слишком похожая на настоящую. Эва понимает: заражение не убивает, оно переписывает. И единственный ключ к спасению — в её собственной крови, которая уже перестаёт быть её. «Семя Кассандры» — холодная, плотная история о том, как научная сенсация становится диагнозом, а отражение — дверью.

Содержание

Глава 1. Снежинка на предметном стекле	4
Глава 2. Кассандра	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Кожевников

Семя Кассандры

Глава 1. Снежинка на предметном стекле

Я заметила это, когда моя кровь на стекле вдруг превратилась в снежинку — и не растаяла.

До этого я двенадцать часов считала себя счастливой. В лаборатории «Баренц-9» было плюс восемнадцать, пахло смазкой, кофе и чуть-чуть — озоном от старых криостатов. Озон был верным признаком: где-то в глубине станции, за стенами из крашеного металла, работала установка, которой давно пора было на профилактику. Но профилактику мы откладывали с октября, потому что октябрь был щедрым на керны, а ноябрь — на штормы.

За окном стояла полярная ночь. Она не была чёрной, как думают те, кто никогда не зимовал в Арктике. Она была синей — густой, многослойной, как чернила, разведённые в воде. Снег шёл не сверху, а сбоку, будто его несло вдоль самой земли. Ветер бил в стекло редкими твёрдыми ладонями, и стекло отвечало тонким дребезжащим звуком, который я перестала слышать ещё на второй неделе. Станция гудела так

ровно, что гул уже не замечаешь; замечаешь только, когда он прекращается. А он не прекращался.

«Баренц-9» стояла на острове, у которого не было настоящего имени — только номер в навигационных картах и прозвище «Гвоздь», потому что скала, на которой мы сидели, торчала из моря, как шляпка вбитого гвоздя. До материка было двести сорок километров. До ближайшей станции — сто девяносто. Зимой это означало, что мы одни. Летом — что мы почти одни. Разница была скорее философской.

Внутри станции было три уровня. Верхний — жилой: две каюты, кают-компания с круглым столом, который Оскар называл «ареной», потому что за ним мы спорили обо всём, от политики до правильной температуры кофе. Средний — лабораторный: бокс для работы с кернами, криохранилище, микроскопическая, химический стол. Нижний — технический: дизель, насосы, вентиляция, склад. Между уровнями ходил лифт, который работал с такой неохотой, что мы предпочитали лестницу. Лестница была узкая, винтовая, и на каждой площадке висела лампа в металлической сетке. Свет от неё был желтоватый, усталый, как будто лампа тоже зимовала здесь не первый год.

Керн К-217 подняли из ледника неделю назад. Лёд в нём сформировался два миллиона лет назад — мы проверяли изотопы трижды, потому что цифра казалась слишком красивой, чтобы быть правдой. Два миллиона лет — это плейстоцен, время, когда по Европе ходили мамонты, а по Арк-

тике — нечто, от чего у нас не осталось даже костей. Каждый слой этого льда был архивом: пыль, пузырьки воздуха, следы вулканических пеплов, микроскопические включения, которые мы изучали под увеличением, чувствуя себя почти неприлично живыми рядом с такой древностью.

Капсула была с трещиной по шву. Мы заметили её ещё при приёме, но решили, что сталь выдержит. Сталь не выдержала. Оскар перенёс капсулу из морозильника в бокс, и крышка хлопнула: перепад давления, старая сталь, холод. Из щели вылетело облачко древнего пара. Оно было белым, почти невесомым, и на секунду повисло в воздухе, как дыхание на морозе. Я вдохнула прежде, чем успела подумать.

Оскар выругался по-шведски. У него всегда были холодные руки и привычка держать инструмент так, будто он его прощает. Он сказал:

— Трещина по шву. Я же говорил.

— Ты говорил, что она выдержит, — ответила я.

Мы оба были правы ровно наполовину.

Оскар был из тех людей, которые верят в правила, но нарушают их из любопытства. Он приехал на «Баренц-9» на год, чтобы закончить диссертацию по экстремофилам, и остался на второй, потому что «здесь никто не мешает думать». У него были светлые волосы, которые он стриг сам, и привычка есть яблоки целиком, включая сердцевину. Он говорил, что в сердцевине больше витаминов, а я говорила, что в сердцевине больше пестицидов. Мы оба были неправы, но спорить

было приятно.

В талой воде мы увидели бактерию. Она двигалась. Под криомикроскопом её жгутик работал медленно, как ленивая стрелка. Масс-спектр показал D-аминокислоты. Зеркальные белки. Не наша химия, не наша жизнь, но — жизнь. Я помню, как Оскар перестал дышать на секунду, а потом сказал: «Эва, это же сенсация». И я кивнула, потому что слова кончились раньше, чем восторг.

Мы проверили ещё раз. Потом ещё раз. Масс-спектр не врал. Хиральность была зеркальной. В нашей биосфере белки строятся из L-аминокислот — левых, если представить их в виде рук. Эта бактерия строила свои белки из D-аминокислот — правых. Она была зеркальным отражением жизни, её тёмным близнецом, её негативом. Теоретически такая жизнь была возможна. Практически её никто не видел. До сегодняшнего дня.

— Это как найти человека, у которого сердце справа, — сказал Оскар. — Только у него справа всё.

— И он не может есть нашу еду, — сказала я. — И мы не можем есть его.

— И он не может нас заразить, — сказал Оскар. — Потому что наши клетки для него — как неправильные пазлы.

Он ошибался. Но тогда мы оба этого не знали.

Потом я закрепляла осколок капсулы в держателе. Край был острый, как стекло, которым режутся только в кино — неожиданно и буднично. Я порезала палец. Кровь капнула

на предметное стекло, куда уже попала талая вода. Я хотела стереть её салфеткой, но капля вдруг собралась. Не растеклась — собралась. В шестилучевую снежинку, тонкую, с прожилками, похожими на карту трещин.

При плюс восемнадцать она не таяла.

Я поднесла стекло к лампе. Снежинка не блестела, как лёд. Она блестела, как минерал. Я сфотографировала её. Потом ещё раз, с линейкой. Оскар сказал:

— Конденсат.

— Конденсат не растёт лучами, — сказала я.

Он хотел ответить, но закашлялся. Коротко, в кулак. В лаборатории стало тихо. Криостат за спиной щёлкнул и перешёл на другой режим. Я посмотрела на экран связи: зелёная полоса спутника дрогнула и погасла. Шторм. На улице ветер сменил тон, стал выше, злее. Снег уже не шёл сбоку — он летел почти горизонтально.

Я посмотрела на палец. Порез был маленький, почти царапина. На стекле лежала снежинка из моей крови. На пальце — ни капли. И в этот момент я поняла: капсула вскрыта, неизвестный агент попал в воздух, а на стекле — не чудо. Диагноз.

— Оскар, — сказала я. — Надень маску. И не подходи к вентиляции.

Он посмотрел на меня, потом на снежинку. В его глазах отразилась лампа, и на секунду мне показалось, что зрачки у него тоже шестилучевые.

— Это ещё ничего не значит, — сказал он.

— Значит, — ответила я. — Связи нет. Шторм. Мы одни.

Я взяла стекло пинцетом и опустила в герметичный контейнер. Снежинка не растаяла. За окном полярная ночь стояла синяя, как язык пламени. Станция гудела. И я впервые за двенадцать часов почувствовала, что счастлива не была.

Глава 2. Кассандра

Карантин мы объявили в 03:17. Я запомнила время, потому что часы на стене лаборатории показывали 03:17, а часы на моём запястье — 03:19. Две минуты расхождения. Потом я узнала, что это было первым симптомом.

Я заперла лабораторию, Оскара отправила в медицинский блок. Он стоял в дверях, держась за косяк, и говорил, что это перебор. Потом закашлялся в кулак. Когда он убрал руку, на ладони блестели мелкие кристаллы, похожие на сахар.

— Это просто слюна, — сказал он.

— Слюна не блестит, — ответила я.

Он хотел выйти. Я сказала, что если он выйдет, то заражение пойдёт по станции. Он сказал, что станция — это два человека и один криостат. Я сказала, что криостат тоже жалко. Он засмеялся, потом закашлялся снова и сел на кушетку. У него дрожали руки. Я сделала вид, что не заметила.

Медицинский блок был маленькой комнатой на верхнем уровне, с белым кафелем, который мы мыли раз в неделю, и запахом йода, который не выветривался никогда. Там стояла кушетка, шкаф с лекарствами, кислородный баллон и старый монитор, который показывал пульс с задержкой в полсекунды. Оскар сел на кушетку, и она скрипнула. Он посмотрел на свои руки, потом на меня.

— Ты тоже кашляла, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я.

Я положила снежинку из своей крови под микроскоп. Это был не лёд. Кристалл рос из D-аминокислот и белка, как минерал из раствора. Я взяла новую каплю крови. При +18 она начала мутнеть, потом собираться в лучи. Я проверила Оскара. У него было то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.